3. «Оттепель» во внешней политике

Теоретические расхождения в оценке развития СССР имели, как обычно, конкретно-политическое отражение, прежде всего в области международных отношений и внешней политики СССР, в которой после смерти Сталина противоборствовали две стратегии. Первая из них, защищаемая министром иностранных дел Молотовым, в принципе признавая необходимость «паузы» в «холодной войне», исходила из того, что общий курс советской внешней политики, основанной на идее непрерывной и неизбежной борьбы между блоками, должен был остаться прежним. СССР, в котором были только заложены основы социализма, оставался уязвимым, даже несмотря на успешное испытание водородной бомбы летом 1953 г. Отсюда вытекала необходимость большего, чем когда бы то ни было, утверждения руководящей роли СССР в

социалистическом лагере. Вторая стратегия, поддерживаемая Хрущевым и Микояном, исходила из более оптимистических оценок, настаивая на благоприятном соотношении сил для СССР, и обещала большую самостоятельность для стран социалистического лагеря — и даже фактический плюрализм в нем, — признавала возможность мирного сосуществования двух блоков, а также «зоны мира» в лице стран третьего мира, к которым советская дипломатия начиная с 1954 — 1955 гг. стала проявлять большее внимание. Наличие этих двух стратегий в период борьбы за власть внутри руководящей верхушки СССР объясняет неуверенные, бессвязные, методом проб и ошибок действия советской дипломатии, которая видела как тупики «холодной войны», так и необходимость искать новые средства маневрирования на международной арене.

В 1953 — 1956 гг. советская внешняя политика была отмечена постепенным установлением новых отношений с двумя социалистическими странами — Китаем и Югославией, опытом поиска разрядки в отношениях с Западом и переоценкой представлений о нейтралитете третьего мира.

Новые советские руководители отдавали себе отчет в том, что смерть Сталина лишила социалистический лагерь харизматического лидера и грозила вызвать глубокий кризис в его руководстве. Примечательно, что через несколько дней после кончины вождя «Правда» поместила фотографию Маленкова вместе с Мао Цзэдуном, которая, как выяснилось, была смонтирована. Эта манипуляция имела не только анекдотический характер: Маленков и правящая верхушка почувствовали необходимость использовать престиж Мао для утверждения своего авторитета и идеологической легитимности как в СССР, так и в международном коммунистическом движении. Китайский лидер не преминул воспользоваться этим для удовлетворения интересов Китая по широкому кругу вопросов, в первую очередь экономических. Уже 26 марта 1953 г. соглашение о торговле с СССР, переговоры о котором в течение нескольких месяцев стояли на месте, было заключено на выгодных для Китая условиях. СССР обязался предоставить, ему значительную помощь для строительства 146 крупных промышленных объектов. В октябре 1954 г. Хрущев, Булганин и Микоян отправились в Пекин, где дополнили это соглашение предоставлением новых крупных кредитов. Советские руководители обязались вывести войска из Порт-Артура и Дайрена, отказаться в пользу Китая от всех экономических интересов в Маньчжурии и ликвидировать советско-китайские смешанные¹ компании с их передачей в исключительную собственность Китая. Компартия Китая добилась от КПСС признания своего рода кондоминиума в международном коммунистическом движении: предварительное согласование по вопросам, представляющим взаимный интерес, и своего рода «разделение труда» во внешней политике (Китай считал, что по своему геополитическому положению он может эффективнее поддерживать национально-освободительные движения в третьем мире).

СССР и Китай тесно и на равных правах сотрудничали в разрешении двух тяжелых международных кризисов: войны в Корее и войны в Индокитае. В конце марта 1953 г. Советский Союз и Китай приняли соглашение о плененных во время войны в Корее — пункт, в который в течение двух лет упирались переговоры, — что открыло дорогу к подписанию 27 июля 1953 г. перемирия в Пханмунджоме. Женевская конференция по Индокитаю стала вторым шагом в уменьшении международной напряженности. Желая добиться успеха переговоров, в критические моменты конференции СССР и Китай совместно сдерживали вьетнамскую делегацию. Это новое отношение к Китаю как к привилегированному союзнику, несомненно, содействовало оздоровлению советско-китайских отношений, которые в дальнейшем уже никогда не были такими хорошими, как в период 1954 — 1956 гг.

Это же желание оздоровить отношения СССР с социалистическим лагерем лежало в основе советско-югославского примирения 1955 г., — события, произведшего несравнимо больший эффект, чем без шума проведенное урегулирование отношений между СССР и КНР. Разрыв со сталинским наследием был резким и внезапным. Если в конце 1953 г. среди обвинений, официально выдвинутых против Берии, еще фигурировала «попытка войти в контакт с титовской кликой», то уже летом 1954 г. Хрущев начал, несмотря на сопротивление Молотова, подготавливать сближение с Югославией. 26 мая — 3 июня 1955 г. Хрущев, Булганин и Микоян совершили визит в

Белград, во время которого Хрущев выразил «искреннее сожаление» по поводу возникших ранее разногласий, ответственность за которые он переложил на «ныне разоблаченных врагов народа Берию, Абакумова и других... которые сфабриковали фальшивые материалы против югославских руководителей». К исходу недели напряженных переговоров Тито добился удовлетворения по всем вопросам. Опубликованное 2 июня совместное заявление не только содержало признание, что политика военных блоков усиливает международную напряженность и что развитие мирного сосуществования предполагает сотрудничество всех государств, независимо от идеологических и социальных различий, но и провозглашало, что вопросы внутренней организации общественного строя и различных форм социалистического развития относятся к исключительному ведению народов разных стран. Югославия получила также значительную экономическую помощь. Со своей стороны она не сделала никаких значительных уступок, оставшись на позициях нейтралитета. Советско-югославское примирение привнесло в восточный блок практический плюрализм, в чем заключался серьезный риск: пример мог оказаться заразительным и привести к эрозии авторитета СССР. Для государств Восточной Европы, которым советская модель была нанизана в качестве единственно возможного социалистического пути в чрезвычайно трудных условиях, даже осторожное признание Советским Союзом законности югославского пути создавало опасность пересмотра ряда принципиальных положений, что вскоре и произошло.

Хотя внутриполитические изменения в социалистическом лагере оказались в среднесрочном плане самыми значительными, новые советские руководители считали более насущным пересмотр отношений с капиталистическими странами, поскольку их состояние представляло куда более серьезную опасность для передышки, необходимой новому руководству для скорейшего утверждения своего авторитета и власти в собственной стране. Мы уже отметили его готовность положить конец войне в Корее, вызвавшей беспрецедентную волну антисоветизма в США, и стремление обеспечить успех переговоров в Женеве по Индокитаю. Главным вопросом отношений между Востоком и Западом оставалось перевооружение Германии. Западные проекты создания европейского оборонительного сообщества, предполагавшего объединенное командование европейских армий и в которое была бы интегрирована Западная Германия, особенно беспокоили Москву, боявшуюся, что в этих новых европейских вооруженных силах Федеративная республика займет доминирующее положение и тем самым под угрозой окажется не только Восточная Германия, но и Польша и (в меньшей степени) Чехословакия — два государства, чьи западные границы ФРГ отказывалась признать окончательными. Хотя из-за противодействия Франции и к вящему облегчению Москвы планы европейского оборонительного сообщества не были осуществлены, парижские соглашения октября 1954 г. закрепили включение Западной Германии в военную организацию НАТО. Для обсуждения изменившейся ситуации в ноябре 1954 г. в Москве было созвано совещание представителей европейских социалистических стран, на которое со статусом наблюдателя был приглашен Китай, что стало еще одним доказательством его нового привилегированного положения. Произнесенная на совещании Молотовым речь была однозначно направлена против продолжения разрядки и призывала к коллективному отпору в случае ратификации парижских соглашений. Поскольку широкая кампания протеста, развернутая во время и после встречи, не смогла помешать этой ратификации, в мае 1955 г. в Варшаве было проведено новое совещание, рассмотревшее вопрос о создании Организации Варшавского Договора. Тем временем Маленков был снят со своих постов и значительно ослаблено влияние Молотова в правящей группе, где отныне доминировали Хрущев и сторонники разрядки. Их стараниями создание Варшавского пакта сопровождалось предосторожностями, которые должны были ясно показать нежелание СССР усиливать напряженность в отношениях между Востоком и Западом. Из этих же соображений, чтобы создать благоприятные условия для возможных переговоров по германскому вопросу, было отсрочено включение Восточной Германии в систему объединенного командования. Пакт представлял собой ответ, сочтенный необходимым, но довольно сдержанный по тону и содержанию. Хотя в военном плане создание Пакта ощутимо не изменило соотношение сил в Европе, оно способствовало институционализации отношений между СССР и восточноевропейскими странами, которые до этого опирались только на неоспоримый авторитет Сталина и

двусторонние соглашения, а также надолго легализовало присутствие советских войск в Восточной Европе, которому предстояло отныне играть решающую роль в моменты внутренних кризисов в этом регионе.

15 мая 1955 г., на следующий день после заключения Варшавского пакта, СССР, США, Великобритания и Франция подписали договор с Австрией. СССР согласился вывести свои войска из Австрии в обмен на некоторые незначительные уступки. В ответ на обязательство Австрии соблюдать самый строгий нейтралитет она была принята в ООН и Совет Европы. Этот договор стал важным этапом в смягчении напряженности между Востоком и Западом. Однако неудача совещания на высшем уровне — первой встречи такого масштаба после Потсдама, — которое собралось в июле 1955 г. в Женеве Хрущева (в советскую делегацию входили также Молотов, Жуков и Булганин), Эйзенхауэра, Идена и Форса, показала, что всеобщее и длительное соглашение между двумя лагерями еще оставалось недостижимым. Вместе с тем эта встреча оставила после себя «дух Женевы», призывавший к более тесным и регулярным контактам и оставлявший открытой дверь к переговорам. Визит в Москву в сентябре 1955 г. канцлера Аденауэра, в ходе которого были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и ФРГ, укрепил это умиротворение, отличавшееся прагматизмом и не сопровождавшееся новыми теоретическими построениями, которым предстояло быть сформулированными только на XX съезде КПСС.

Схема двухполюсного мира, разделенного на два антагонистических лагеря, не оставляла только что обретшим независимость государствам третьего мира возможности играть сколько-нибудь самостоятельную роль в геополитике. Их независимость рассматривалась как чисто формальная, и, даже если они объявляли о своем нейтралитете, советское руководство видело в этом уловку, призванную скрыть их империалистическую ориентацию. Так обстояло дело, например, с Индией, премьер-министр которой Неру неизменно квалифицировался как «лакей британского империализма». Однако с 1954 — 1955 гг. советская дипломатия начала признавать некоторую ценность политики нейтралитета. Так как баланс сил двух лагерей не позволял рассчитывать на скорое расширение мировой социалистической системы, казалось разумным поддерживать стремление к независимости нейтральных стран, отказывавшихся от присоединения к военным блокам, которые стремились создать США. Во время поездки Хрущева и Булганина осенью 1955 г. в Индию, Бирму и Афганистан они не только положительно оценили политику нейтралитета и вклад данных стран в дело мира, но и предоставили им крупные кредиты на экономическое развитие (например, более 135 млн. долл. на строительство мощного металлургического комплекса в Индии), что явилось своего рода «вознаграждением» странам третьего мира за их нейтралитет. Для этих стран хорошие отношения с СССР могли стать средством давления и предъявления более жестких требований к США. С другой стороны, для СССР эта политика открывала новые возможности расширения его присутствия на международной арене и создания в многополюсном мире целой системы союзов, центром которой он мог бы стать. Но для этого СССР было необходимо найти дипломатические, экономические и военные инструменты мировой политики и, обеспечив динамизм своего экономического и социального развития, стать примером для многочисленных стран, перед которыми стояли те же проблемы развития и индустриализации. В отношениях с этими странами СССР вскоре столкнулся с конкуренцией Китая. Последний сыграл первостепенную роль в Бандунгской конференции (апрель 1955 г.), созванной группой «неприсоединившихся» стран (в том числе Индией, Индонезией и Бирмой), чьи дипломатические усилия способствовали перемирию в Корее и успеху Женевской конференции, и в чьи намерения входило усиление влияния государств Азии и Африки на мировую политику. Однако непосредственно в тот момент совпадение советских и китайских интересов брало верх над соперничеством за влияние. Так, хотя СССР, считавший себя и азиатским государством, не был приглашен на Бандунгскую конференцию, Чжоу Эньлаем там были установлены хорошие контакты с Насером, оказавшиеся полезными для развития советско-египетских связей. Ускорение процесса деколонизации во второй половине 50-х и в начале 60-х гг. вскоре открыло новое поле деятельности для еще раз пересмотренной советской внешней политики.